

Евгения
ВЕЧЕР

РАЗВОД

Его тайное прошлое

Евгения Вечер

Развод. Его тайное прошлое

<https://litres.ru/74212373>

Аннотация

Я хорошая жена. Надежная, верная, честная. И я считала, что у меня соответствующий муж. Надежный, верный и честный. Но я была наивна и слепа долгих семь лет!

- Проваливай! - громче повторяю я, не разрывая зрительный контакт. - Мы обязательно поговорим, когда тебе станет легче. И когда ты немного... остынешь. - Ты считаешь, что я остыну, Гордеев? - Подумай о наших детях, - шурится. А у меня озноб по коже. - Как ты смеешь... - еле дышу от возмущения. - Это ты должен был подумать о детях, прежде чем изменять! - Не надо устраивать скандал. Ты должна просто принять, что у меня есть еще один сын от другой женщины.

✧* Книга цикла: Они нам реки измен, а мы им посвящаем жизнь...

♥# грязные тайны мужа ♥# сложные отношения ♥# общие дети ♥#ХЭ

Содержание

1. Жила во лжи	4
2. Разбитая семья	11
3. Муж сошел с ума	18
4. Ситуация безвыходная	24
5. Нарушил договор	30
6. Спонтанное решение	36
7. Довел несчастную жену	42
8. Лучик надежды	50
9. Верила и любила	56
10. Исповедь Матвея	63
11. Лишишься детей	70
12. Незванная гостья	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

1. Жила во лжи

Они нам дуло к виску. Они нам вдребезги сердца.

А мы за ними во тьму. А мы за ними в небеса!
Они нам реки измен! Они нам океаны лжи!
А мы им веру взамен! А мы им посвящаем жизнь!

Строки из пьесы

Полины Гагариной

и Ирины Дубцовой

Книга цикла

"Они нам реки измен, а мы им посвящаем жизнь..."

РАЗВОД. Его тайное прошлое

- Геля, а можно немного отложить вынос торта? Наш папа задерживается, а сынок его очень ждет! Вы же понимаете, как детям важно это. Мой Гришенька ведь даже тарту не обрадуется, если папу не дождется! - красивая молодая девушка хватает мою руку и крепко ее сжимает.

Глаза у нее взволнованные и немного испуганные.

- Да, Мария, можно подождать, - торопливо бросаю взгляд на часы. - Я предупрежу аниматоров, проведут еще пару игр. Папа скоро будет?

- Да-да. Матвей сказал, что еще минут пятнадцать и подъедет. Спасибо! - довольная мамочка лучезарно улыбается и с благодарностью кивает.

А я прокручиваю в голове имя папочки.

Матвей.

Моего мужа также зовут.

Стою в сторонке, наблюдаю, как активно именинник Гришка танцует вместе с друзьями и наряженными в костюмы пиратов аниматорами. На лицах детей счастливые улыбки, смех разливается по яркому украшенному залу небольшого кафе. И у меня на душе хорошо и спокойно.

Дети счастливы. Заказчица Мария довольна.

Организация детских праздников - мое призвание.

Я давно мечтала, что буду делать для людей добро, доставлять им удовольствие и радость. И вот три года назад мою мечту удалось воплотить в виде агентства "Счастливое детство", которое помогает в проведении мероприятий для детей и подростков. В частности - дней рождений.

Я внимательно рассматриваю Гришу. Он озирается по сторонам, будто ищет кого-то. Губы поджимает, в глазах взволнованный блеск.

Мальчишке сегодня семь лет исполняется.

Он ровесник моего среднего сыночка Арсения.

И я прекрасно понимаю, как в этом возрасте мальчику нужен папа. Сильный, смелый, понимающий. Направляющий по жизни.

Такой несбиваемый ориентир, который заложит в мальчика все самые главные мужские качества.

Мария ловит мой взгляд и активно кивает. Торт пора вы-

носить.

Скрываюсь на кухонке кафешки, зажигаю на двухъярусном торте в пиратской тематике свечку в виде цифры семь.

Самый трогательный момент праздника.

И мое сердце трепыхается в грудной клетке от предвкушения новой порции самых ярких детских эмоций.

- Осторожно, Костя, - передаю торт одному из аниматоров-пиратов.

- Знаю, - кивает в ответ, принимая конструкцию из аппетитного крема.

Огонек на свечке красиво пылает и переливается желто-оранжевым свечением.

- Костюм только не подпали, - улыбаюсь. - Шляпа загорится, будет не смешно.

- Ну не знаю. Дети, наверно, оценят, - пират пожимает плечами и довольно скашивает рот на один бок.

- Зато взрослые перепугаются, - иду за Костей буквально на цыпочках.

Замираю у стены.

Ищу глазами именинника Гришу.

Сердце камееет в грудной клетке, когда мой внимательный взгляд натывается на сильную до боли знакомую мужскую спину, обтянутую синей рубашкой.

На шее родинка. Та самая, которую я сегодня утром гладила подушечками пальцев.

Мужчина прижимает к себе Гришу и целует его в макуш-

ку. А мальчик расплывается в улыбке, буквально тает в сильных руках. Что-то быстро говорит, не переставая улыбаться, светится изнутри. Даже торт ребенка не интересует.

Меня выкручивает от боли и непонимания, но я продолжаю спокойно стоять у стены, облокотившись на нее спиной.

Матвей. Тут. На чужом празднике. С чужим ребенком.

Я стою достаточно далеко, и разговора между моим мужем и Гришей не слышу. Но я улавливаю их эмоции. Они оба рады встрече.

- С днем рождения тебя! С днем рождения тебя! С днем рождения, Гриша! - хором заливаются аниматоры.

Радостная песня кажется грустной, унылой. Звон в ушах нарастает и сливается в общий гул.

Я закрываю рот дрожащей рукой, потому что из горла рвется отчаянный визг. По телу расползаются красные пятна от стресса и тревоги.

- Геля, спасибо! - Мария оказывается рядом со мной. - Гриша папу не видел почти год. Так вышло, что мы вместе не живем, и мой мальчик очень скучает по Матвею. Для него присутствие отца на празднике - лучший подарок.

Ее слова холодят меня изнутри. Царапают. Раздирают.

Я не верю!

Не верю!

Утром проводила любимого мужа на работу. Погладила ему синюю рубашку, поцеловала на прощание его сладкие родные губы.

Он обнимал меня, улыбался, говорил что-то будничное и привычное. "Хорошего дня", "буду скучать", "люблю".

У нас отличная семья. Мы вместе со школы! Уже шестнадцать лет в браке!

У нас трое замечательных детей. Старшая дочь подросток и двое сыновей.

Мы любим друг друга!

Матвей поднимает взгляд на торт, хлопает в ладоши. Улыбается широко, от глаз расплзаются сетки знакомых морщинок.

Я как в тумане.

Меня никто не замечает.

Мой муж меня не замечает!

Он так занят чужим ребенком, что даже по сторонам не смотрит.

А я умираю. Медленно. Моя душа разлагается на молекулы.

Неужели, так бывает?

Нет. Конечно, я слышала, что мужчины полигамны. И что для них жить на две семьи, заводить детей на стороне, иметь толпу любовниц - норма.

Но это же мой Матвей! Он не такой! Не такой!

- Геля, а это не ваш муж? - девочка аниматор Даша останавливается напротив меня и смотрит мне в глаза взволнованно.

Я отрицательно качаю головой, а по щекам начинают ка-

титься горькие слезы, которые я не в силах контролировать.
- Ваш? - уточняет с опаской и широко раскрывает глаза, вгоняя мне в сердце ржавую ядовитую иглу.

Наконец, нахожу в себе силы, чтобы сдвинуться с места. Онемевшие ноги отказываются идти, но мне нужно спрятаться, скрыться.

Не хочу, чтобы Матвей видел меня сейчас.

Жалкую. Беспомощную. Убитую.

Конечно, я так просто не оставлю эту ситуацию и обязательно поговорю с мужем о его появлении на этом празднике.

Но сейчас мне слишком больно, чтобы подобрать адекватные слова. Из меня лезут только маты и обвинения, оскорбления и боль.

Боль струится вместе со слезами, сдавливает горло, сжигает душу до тла.

Неужели, это правда? Неужели, мальчик Гриша, сын моего мужа!?

Мозг быстро подкидывает воспоминаний и сопоставляет факты.

Это получается, что я уже была беременна Арсением, моим вторым ребенком, когда муж... изменил мне... с Марией!

Боже...

Боже!

Стучу кулаками по своим коленям, стараясь придти в себя. В тесной каморке под лестницей, где мои ребята анима-

торы переодевались в рабочие костюмы, дышать нечем. Воздух затхлый и спертый. Невыносимо горькие рыдания сжимают грудь, я дрожу всем телом.

- Геля, - женский голос врывается в сознание, и я поднимаю расфокусированный потерянный взгляд. - У вас все хорошо?

Мария взволнованно смотрит на меня сверху вниз, пока я медленно скатываясь по стене.

Голова кружится. Цветные мошки мельтешат перед глазами, и, кажется, я сейчас просто отключусь от невыносимого ужасного осознания.

Я все это время жила во лжи!

2. Разбитая семья

- А мама скоро проснется? - мяукающий голос Владика
врезается в сознание отдаленным эхом.

Мой младший сыночек. Ему скоро исполнится четыре года, но часто мне кажется, что он мой ровесник. Влад так старательно рассуждает о смыслах жизни, что иногда даже его папа Матвей впадает в ступор.

- Я не знаю, - сердито бурчит мой муж.

Сжимаю пальцы в кулаки, но тело не слушается. На фоне что-то надоедливо гудит. Слабость в теле, ломит ребра. И голова почему-то болит.

- Влад, не лезь! - строго командует Арсений. - Отойди!

- Мальчишки, - шикает Ната, моя старшая дочка. - Отойдите оба! Врач сказал маму не трогать!

- Я соскучился по маме! - шепчет надрывно Владик. - Пап, когда мама проснется?

- Не знаю, - голос мужа потухший и тихий.

- Пап, что случилось? Ты так и не объяснил! - требовательно выговаривает Ната.

- Мама проводила праздник и упала в обморок.

- Странно, раньше мама никуда не падала.

- Да, не падала! Пап, а почему мама упала?

Матвей тяжело вздыхает.

- Пап, ну когда мама проснется?

- Па, почему мама упала?

- Что врач сказал? - Ната перебивает мальчишек строгим тоном.

- Ждать, - коротко отвечает мой муж.

А мой ли?

Я, оказывается, ничего про этого человека не знаю!

У него вторая семья. Любовница Мария и сын Гриша на стороне.

Я жила в неведении. В абсолютной беспрекословной вере, что моя семья - самая прекрасная на свете, самая искренняя, добрая, светлая. Я даже мысли не допускала, что нас может коснуться такая грязь.

Родила Владика, пока Матвей разрывался по командировкам.

Теперь многое становится ясно.

По щеке катится слеза, и я распахиваю глаза. Белый больничный потолок шатается, справа от меня капельница с тонкой трубкой. Медленно скольжу по ней взглядом, пока не добираюсь до катетера в моей руке.

- Мама! - вскрикивает Владик и тут же запрыгивает ко мне в ноги на тесную больничную койку.

- Мам! - подхватывает его Арсений и нависает надо мной.

А я реву как дура. Сильно жмурюсь, всхлипываю.

- Мам, что болит? Может, врача позвать? - Ната приподнимается со стульчика и сжимает мою холодную бледную руку.

- Все хорошо, - скулю обессиленно, боясь смотреть на Матвея.

- Мам, может воды? - взволнованная дочка хмурится. - Почему ты плачешь, мама?

- Мам! - хором тянут мои мальчишки.

- Ничего не нужно, - выдыхаю напряженно.

Глаза открыть не могу.

Не хочу видеть Матвея.

Не могу.

Это слишком!

Чем я заслужила такое отношение мужа? Зачем он врал мне? Почему просто не ушел семь лет назад, когда в его жизни появился внебрачный ребенок?

- Дети, подождите в коридоре, - холодно выдает Матвей.

Сердце замирает в груди.

Мне сейчас не до разговоров с ним.

Матвей буквально вынул мою душу из тела, выдернул ее резко и беспристрастно испачкал в грязи. Ногами по ней потоптался. И обплевал ее всю!

Я не могу поверить... какая же я наивная и слепая клуша! Семь лет мой драгоценный муж воспитывал ребенка от другой женщины, а я не замечала!

У меня даже мысли этой не проскакивало. Это вопрос стопроцентного беспрекословного доверия, которое Матвей взрастил во мне уже в первые годы совместной жизни.

Доверие - на этом строится крепкая семья, которой не

страшны ни бури, ни грозы, ни ветры, ни штормы.

Матвей так говорил. И я верила! Слепо верила. Растворялась в моей семье. Жила для детей и мужа. Я любила его крепко и горячо. В богатстве и в бедности. В болезни и здравии.

Неужели эти клятвы на свадьбе были значимы только для меня одной? Боже...

Рыдания сковывают горло, но я стараюсь не скулить. Только не сейчас. Запрещаю себе проявлять слабость.

Я поплачу об этом потом. Когда Матвея не будет рядом. Когда дети будут дальше, чем за пару метров за хлипкой стеной больничной палаты.

Боже... А наши дети! Ната подросток с кучей заморочек, мальчишки еще очень маленькие. Как они переживут все это?

- Как ты мог? - пересохшими губами лепечу.

- Гелечка... Ангел мой... - Матвей двигает стул, он противно скрипит железными ножками о пол.

Я морщусь, но не от резкого звука, а от его слов.

- Ангел? - переспрашиваю заплетающимся языком, онемевшим от горького кома в горле.

- Я так виноват, Геля... - Матвей лбом прижимается к моему животу.

Качает головой. Сжимает пальцами белую больничную простынь.

Я жмурюсь. Не хочу его видеть. От осознания, что не могу даже встать и хорошенько треснуть загулявшего кобеля, ко-

торый в уши мне красноречиво лил про сплоченность и доверие, а сам трахал другую, по телу жар смешанный с лютой дрожью. В жилах бурлит закипевшая кровь и щеки моментально краснеют, горят пожаром, кожа зудит и колет, словно по ней трут наждачкой.

- Постарайся меня понять, Геля! Я это сделал, чтобы... спасти нас... Я... блять... Геля! Я...

Я резко поворачиваю голову к мужу, и в тишине слышно, как хрустят мои шейные позвонки.

- Что ты несешь? - шиплю рассерженно. - Матвей! Что ты несешь!? Ты правда будешь оправдывать свое блядство?

- Ангелин, выслушай... - виновато смотрит, жалостливо.

Это не похоже на Матвея. Он грубоват, прямолинеен, циничен и безжалостен. Он акула, пожирающая всех, кто меньше его хотя бы на пару сантиметров. Он привык подавлять, подчинять, властвовать. Одним взглядом ставить на место и подчиненных, и конкурентов. И, если надо, наших детей.

Да, со мной он был нежным и ласковым, но сейчас... он вызывает только горькое отвращение, ядовитое презрение и лютую ненависть.

Я не смогу такое простить. Никогда не смогу.

- Проваливай! - мой голос низкий, хриплый.

Я буквально рычу, проявляя все свое раздражение.

- Знаешь, я не хочу сейчас тебя трогать. Ты упала в обморок и ударилась головой, врач думает, что у тебя сотрясение, Геля, - шелестит взволнованно.

- Проваливай! - громче повторяю я, не разрывая зрительный контакт.

- Мы обязательно поговорим, когда тебе станет легче. И когда ты немного... остынешь.

- Я остыну?

Злость, как спящий вулкан, просыпается в груди. Такая первобытная ярость захлестывает. Извержение вулкана совсем близко. Я не посмотрю на свою слабость, и на этой ноте повышенной агрессии и адреналина что-нибудь сделаю с предателем!

Будь у меня силы, я бы убила Матвея, честно.

- Ты считаешь, что я остыну, Гордеев? - тарашу на мужа глаза.

- Подумай о детях, - щурится.

Становится холодным.

И у меня озноб по коже.

- Как ты смеешь? - медленно выговариваю. - Это ты должен был подумать о детях, прежде чем трахать ту сучку! Это ты! Ты! Ты разрушил семью, Матвей!

Чувствую, что воздуха мало.

- Гель, я прошу тебя, спокойнее. Не надо сейчас устраивать скандал. Ты должна просто принять, что у меня есть еще один сын от другой женщины.

- Если ты не заткнешься, клянусь, я встану и... и тогда у тебя тоже будет подозрение на сотрясение, Гордеев.

- Хорошо, - разводит руками. - Допустим, я виноват. Я

изменил. Но это было давно! Что, гордая больно? Даже ради детей не простишь?

3. Муж сошел с ума

Я часто моргаю.

Поверить не могу, что он говорит именно это после того, как минуту назад почти скулил, сжимая больничную простынь.

Хотя эти слова ожидаемы.

Я знаю Матвея слишком давно, и я умею читать его мысли, предугадывать поведение, улучшать его настроение.

Я хорошая жена. Надежная, верная, честная.

И я считала, что у меня соответствующий мужчина. Надежный, верный, честный.

Но он сошел с ума!

Мария... хорошенькая брюнетка с точеной фигуркой и пухлыми губами. Я даже подумать не могла, что она окажется любовницей моего Матвея.

Она заказала у меня праздник еще два месяца назад. Мы три раза встречались лично, чтобы обсудить все до мелочей. Я понимаю мамочек, которые так щепетильно подходят к проведению дней рождений для своих чад, и меня это ничуть не напрягло. Я и сама полностью ушла в подготовку праздника для моего Арсения совсем недавно.

Интересно, Мария знала, что я жена Матвея? Или для нее мое существование оказалось таким же неприятным сюрпризом?

Закрываю глаза, и по щекам горячо.

Отравленное трупным ядом сердце почти не бьется. Физически ощущаю, как на ребра давит, словно мне на грудь положили огромный увесистый камень.

- Гель, не руби с плеча, ладно? - звенит в ушах голос мужа.

- Я попросила тебя уйти, - прячу дрожь в голосе. - Хотя бы это ты можешь сейчас сделать?

- Пустить к тебе детей?

- Нет! - рывкаю.

Какие мне сейчас дети? Я ни о чем не могу думать, кроме развала моей семьи.

Это не просто измена! У Гордеева ребенок от другой! Взрослый семилетний ребенок!

Боже... за что мне этот крест? Какой жизненный урок я должна из этого вынести?

Никогда не растворяйся в мужчине? Доверяй, но проверяй?

- Гель...

- Гордеев! Да свали ты уже! - закрываю рот рукой.

Я вот-вот сорвусь в истерику.

Мой верный, любящий, самый дорогой... родной и любимый...

Матвей тяжело и прерывисто дышит. Злится. Я наблюдаю, как его брови взлетают вверх, как он устало прикрывает веки, сжимает пальцы в кулаки до побелевшей кожи на костяшках.

- Ангелина, прости, - сжато стонет и встает с шаткого больничного стула.

Прости... как можно простить? На меня вылили ушат со зловонными помоями. И вместо того, чтобы спокойно отпустить и дать возможность отмыться от этой грязи, морочили мне голову еще семь лет.

Дверь тихо захлопывается.

- Что у вас произошло? - вкрадчиво шепчет Ната.

Тонкие больничные стены позволяют мне подслушать их разговор. Но Матвей молчит.

Что, подонок, слов нет?

Спать с другой женщиной смог, а признаться в этом дочери слабо?

Злость вновь закипает, разрывает мою жалкую опплеванную душу на куски. На мелкие кровавые клочки!

- Маму выпишут, и она сама тебе все расскажет, - проговаривает Гордеев.

Вот так у него все просто. Переложил ответственность на преданную женщину.

Сильно жмуюсь. Ната, наверно, и без объяснений все слышала. Моя маленькая нежная девочка... если подслушала, то ей теперь тоже больно.

Голова начинает болеть еще сильнее. Тупой болью трещит в затылке.

Когда я вообще успела удариться?

- Пап, а к маме можно? - Ната уже хватается за дверную

ручку, и тонкая полоска света проникает в палату сквозь приоткрытую дверь.

- Она не хочет сейчас говорить, Нат. Пусть мама отдохнет. Пацаны где?

- Я их отправила на улицу.

- Пойдем.

Отдаляющиеся шаги звучат в такт моему сердцу.

И теперь я могу дать волю слезам.

Прикусываю свою ладонь до боли, стоны застревают в горле. Белый потолок шатается надо мной.

Муж сошел с ума...

Просто свихнулся!

И главное, я ничего не замечала. Отпускала в командировки со спокойной душой. Чемоданы ему собирала. Холила и лелеяла. Каждый раз искренне скучала и с дрожью ждала, когда вернется, лишь бы скорее поцеловать его родные губы и прижаться носом к шее с вкусным запахом любимого мужчины.

А у него все это время была Мария и Гриша. Вторая семья. Другая женщина и сын. В голове не укладывается, почему я не видела этого?

Идиотка.

Я была так занята Наташкой, Арсением и Владиком, что времени следить за мужем просто не осталось. Да и надо ли было следить? Кто захочет изменить, тот всегда найдет способ. Залезет на чужую женщину на работе, например.

Чтобы изменить даже в командировку ехать не надо.

Но мой оказался продуманным.

Он врал, что у него завал на работе, бесконечное число проектов и переговоров, а сам ездил к другой женщине.

Это немыслимо!

Насколько нужно не уважать жену, чтобы не признаться в изменах?

Дверь распахивается, в палату расслабленно входит наш семейный врач Данила, по совместительству владелец клиники, куда меня и доставили после происшествия на празднике.

- Ну, как ты? - он дежурно улыбается, поправляет воротник на своем белом халате.

А я заплаканными красными глазами моргаю, и грудь снова в тиски сжимает.

- Данила, ты знал? - шепчу.

Он замирает. Расправляет плечи.

Данила не просто наш семейный доктор. Он еще и лучший друг моего мужа. У него тоже есть жена и трое прекрасных детей.

- Ангелин, - хмурится и опускает голову виновато.

Молчит, словно пытается подобрать слова.

- Знал? - все еще спрашиваю, хотя сомнений уже не остается.

Все были в курсе, что у моего мужа есть любовница и сын.

- Давай я тебя осматрю, - меняет тему.

Конечно, кому теперь есть дело до моей боли?

Это Матвей крутой бизнесмен. С тяжелым уверенным взглядом, властью и связями. А я всегда была только приложением к нему. Мило улыбающаяся, немногословная, скромная. Да и Данила друг моего мужа, а не мой.

С чего я вдруг решила, что он обязан рассказать мне все о любовнице и внебрачном ребенке?

И, самое главное, зачем Мария заказала праздник именно у меня?

Глупая случайность? Кто-то на небесах решил открыть глаза двум слепым женщинам, живущим во лжи?

Или она знала обо мне и сама решила выйти из тени?

4. Ситуация безвыходная

Мальчишки вихрями несутся в дом, а я провожаю их потерянным взглядом.

 Арсений быстрее, взрослее. Ловкий, юркий, спорт любит. И его пристрастие к футболу всегда меня умиляло. Я и сам мечтал стать футболистом.

 Младший Владик получился невероятно умным, это у него от Гели. Он интересуется биологией и археологией, а увлечение брата футболом не разделяет.

 - Пап... - сипит Ната, опустив голову.

 Смотрю в бледное личико дочки, и сердце болезненно сжимается.

 Я люблю своих детей горячо и искренне. И риск лишиться семьи выворачивает мне душу мясом наружу. На лбу выступает испарина.

 Я хотел скрыть Машу и Гришу от своей семьи, и мне это удавалось довольно долгое время. Но, как говорится, с богом не шутят.

 Все вскрылось.

 Мы ходим по тонкому льду, вот-вот в него провалимся.

 Геля жесткая. Я знаю, что она не простит. Знаю!

 И от этого знания мне невыносимо до омерзительной тошноты.

 - Я все слышала, пап, - выдавливая из себя Ната с обессиленным стоном.

 Поднимает на меня глаза, на ресницах повисают слезы отчаяния.

 А я все таки проваливаюсь под лед. С головой. Чувствую, что тону.

 Ситуация безвыходная.

 - У тебя есть еще один сын. Это правда?

- капельки срываются на ее щеки, быстро катятся вниз и падают на белую блузку.

 - Ты подслушивала, вместо того, чтобы следить за братьями? - цежу сквозь зубы.

 Внутри закипает.

 - В больнице просто стены тонкие, - оправдывается блеющим голосом.

 Черт...

 Мы с Гелей, конечно, молодцы. Совсем не подумали о том, что нас могут услышать дети.

Мне теперь придется отдуваться. Успокаивать Нату. А я не умею этого. Воспитание мальчишек да, без проблем, но дочка была полностью на Геле.

- Наташ, - внутри все напрягается, того и гляди порвется. Мои нервы искрят, как оголенные провода. Если бы можно было провалиться сквозь землю по заказу, я бы с удовольствием сейчас провалился. Ад не кажется таким страшным, как разочарование во мне моей дочери.

- Ты изменяешь маме? – смотрит так, будто ждет, что я опровергну эти слова.

- Нет, - заявляю четко и уверенно.

И я не вру.

Я не изменяю жене.

Сейчас не изменяю.

Но есть один нюанс.

- Вы чего там встали? – кричит Арсений, юрко крутится возле двери в дом.

Владик уже висит на дверной ручке, готовый нахрен ее оторвать.

- Сейчас придем, - кричу в ответ.

- Пап... - Ната вытирает влагу с лица, хочет казаться сильной. — Тогда откуда у тебя еще один сын?

- Однажды я оступился, - опускаю голову, как виноватый школьник.

Дочка молчит.

Мне кажется, что Ната вот-вот сорвется в отчаянную истерику. Но она ненавидит меня молча. Смотрит с отвращением. Очень похожа на Гелю.

И в моменте мне хочется, чтобы правда про Машу с Гришей вскрылась не сейчас, а намного раньше, когда Ната еще не была такой взрослой.

Будь ей лет десять, она бы проще это пережила.

И Геле, наверно, было бы легче.

А теперь...

Я прекрасно понимаю, что будет теперь.

Ната и Геля ополчатся против меня. Дочь во всем будет поддерживать свою консервативную мать.

Теперь у меня нет ни малейшего шанса, чтобы сохранить эту семью.

- Присмотри за пацанами, - передаю Нате ключи от дома, а сам направляюсь в машину.

- Ты куда? — прожигает мою спину ненавидящим взглядом.

Я чувствую это физически горячей волной между лопаток.

- Мне нужно по делам, - оборачиваюсь, стараюсь выглядеть отстраненным.

- Ты поедешь к ним? – зловеще рычит. – К своей второй семье?

- Ната, они мне не вторая семья, - морщусь.

- Да уж, папочка, - складывает руки под грудью, отводит взгляд и разочарованно усмехается. – Не ожидала, что ты такой.

- Нат, пожалуйста... только ты еще не нагнетай.

- Я не буду, - скалит зубки в коварной улыбке. – Я помогу тебе собрать вещи! Тебе лучше съехать из дома, пока маму из больницы не выписали.

- Не лезь в наши отношения. Хуже только сделаешь, - предостерегаю с серьезным видом. – Не думал, что ты повернешься ко мне спиной, Ната.

- Это ты к нам спиной повернулся. Теперь ты чего ждешь? Что мы все обрадуемся, что у тебя шлюха на стороне? Братика в семью примем?

Прикладываю руку к лицу, нервно тру подбородок с колючей щетиной.

Мне нечего сказать дочери в свое оправдание.

Конечно, я не жду, что Геля, Ната и мальчики примут мое прошлое.

Из всех появлению братика может обрадоваться только наш маленький Владик. И тот, скорее всего, напряжется от неожиданного прибавления в семье.

Черт, Ната... - рычу гортанно. – Ты загоняешь меня в тупик, дочь.

- Я? – хлопает глазками невинно. – Папа, какой же ты...

Замолкает резко. По взгляду вижу, что еле держится. Хочет сказать, но проглатывает ком обиды.

- Короче, вещи я соберу, - резко переключается, становится безразличной. – Сваливай к своей второй семье. Ты нам такой не нужен.

Ее слова без ножа меня режут. На живую, без анестезии. Кромсают мою душу на мелкие кусочки и через мясорубку прокручивают вместе с костями.

- Нат, я понимаю, что ты чувствуешь, но это не твое дело. Мы должны решать этот вопрос с твоей матерью.

- Мама ближайшее время будет не в состоянии что-то решать. А я тебя видеть не могу!

К большому сожалению, дочь права во всем. И, видимо, она унаследовала от Гели вот этот жесткий характер. Никаких компромиссов. Все должно быть так, как она хочет.

Сажусь в машину. Выдыхаю. По телу все еще проносятся нервные вспышки и пот ручьем течет вовсе не от палящего солнца.

Я облажался. И скрыл это.

Но Маша решила, что имеет право против моей воли заявить о себе. Обещала сидеть тихо и воспитывать Гришу, а сама за моей спиной провернула такой беспредел! Из-за нее я нахожусь в полной заднице!

На грани между разводом и смертью, ей богу!

Дочь провожает мою машину таким взглядом, что у меня пересыхает в горле. Вижу, как пацаны по двору бегут к сестре. Будут спрашивать, что случилось. Я уверен, что Ната достаточно умна и ничего братьям не скажет.

Но блять, я знаю свою дочь. Она не шутила. И мои вещи она реально соберет.

Включаю кондиционер в машине так, что по телу ледяные потоки воздуха бродят. Бодрит и успокаивает.

До квартиры Маши долетаю быстро. Пару раз проезжаю на красный.

Внутри все горит от злости. Я как вулкан, готовый взорваться в любой момент.

Сейчас я устрою этой овце по полной программе. И похер, что у Гришки сегодня праздник.

5. Нарушил договор

- Гриш, папа приехал! – радостно сообщает Маша, едва успев открыть дверь.

- Я с тобой поговорить приехал, а не к сыну.

- Матвей, у нашего мальчишки праздник! – шепчет. – Не будешь же ты портить ему настроение?

- Папа! – развеселый ребенок уже летит ко мне и ловко запрыгивает на шею.

Обнимаю его крепче. Давно не видел.

Парень заметно подрос.

- Пап, а ты чего с праздника так быстро ушел? – сын смотрит в мои глаза своими светлыми и искренними.

- Так нужно было, я же тебе объясняла, - влезает Маша, не давая мне вставить слово.

Бойтся, что я расскажу что-то не то мальчишке.

- Пап, а у нас торт остался. Будешь?

- Будет. Я положу в тарелочку. Зови папу на кухню.

- Пап, пойдем! Туда! – указывает мне пальчиком вслед за своей матерью.

- Как у тебя дела? К школе готов? – улыбаюсь.

Все таки Гришу я люблю. Он мой. Кровь от крови.

И этот ребенок дорог моему сердцу не меньше, чем Ната, Арсений и Владик. Знаю, что Грише повезло меньше всех, и моего внимания он недополучает. Сначала я вообще люто

злился его появлению.

Потом привык. Прикипел.

Полюбил.

- Не хочу в школу, - огорчает меня своим ответом.

Арсений очень в школу хочет. И Владик от брата заразился желанием учиться. Тоже в первый класс собрался, хотя ему всего четыре года.

- Лучше папе расскажи, на какую секцию я тебя записала, - подсказывает Маша, заваривая мне чай.

Ставит чашку на стол и улыбается милой и нежной улыбкой. Сама невинность.

- На футбол, - со вздохом проговаривает Гриша и взгляд отводит.

- Тебе нравится? – спрашиваю строго, и сын отрицательно качает головой.

Становится мрачным и каким-то раздраженным.

- Зачем записала, если ребенок не хочет? – перевожу взгляд на Машу.

Она губы поджимает и отворачивается.

Вздыхает тяжело, стоя спиной ко мне.

- Грише нравится, - заключает отстраненно. – Он просто стесняется рассказать об этом.

- Ребенок говорит, что не нравится.

- Он просто еще не понял...

- Мам, а можно я папе покажу свои подарки? – сиплым голосом спрашивает сын.

Маша вновь разгоняет тишину протяжным вздохом.

- Пап, посмотришь? – обращается ко мне с какой-то нескрываемой сильной надеждой.

- Да, с удовольствием.

Ставлю сына на пол, смотрю, как его глаза искорками наполняются.

- Торт не будешь? – Маша бросает на меня гневный взгляд.

Говорят, что лучшая защита – это нападение. И Машка, видимо, готовится нападать.

- Оставь на столе, - сжимаю Гришину ручку и иду за ним.

Сын отводит меня в свою спальню, усаживает на кровать и плотно закрывает дверь.

- Вот, - вытаскивает из шкафа коробку с гоночной машинкой на пульте управления. – Мне этот подарок понравился. Только там батареек нет. Мама сказала, что по дому машину гонять нельзя. Соседям мешать буду. Сказала, чтобы я эту машинку убрал.

- Я куплю тебе батарейки, - киваю в такт своим словам.

- Мама рассердится, - мямлит и снова опускает голову.

Смотрит в пол и печально ежится, сжимая маленькими пальчиками ярко красную коробку.

- Будешь гонять на улице, чтобы никому не мешать.

- Во дворе ее другие дети сломают, - плачет Гриша и становится еще более потерянным и мрачным.

Что вообще у Маши в голове происходит и как она моего

сына воспитывает?

- А что еще тебе подарили? – переключаю внимание Гриши.

Мальчишка показывает мне вязаную уродскую кофту от бабушки, набор юного химика, несколько мягких игрушек и энциклопедию о космосе.

- От меня мама что тебе купила? – улыбаюсь нервно.

Надеюсь, что ни одну из пылесборников игрушек, которые ребенку в семь лет уже нахрен не нужны.

- От тебя? – Гриша удивленно округляет глазки.

- Я давал твоей маме денежку.

Чувствую, как к горлу пульсирующий ком подкатывает. Пальцы бесконтрольно сжимаются в кулаки.

- А, - моргает и кивает часто. – Мама сказала, что на эти денежки мы купили торт.

Торт, блять...

Торт за сорок тысяч?

Закрываю глаза и выдыхаю, чтобы успокоиться.

- Гриш, мне нужно с мамой поговорить. Побудешь в комнате?

- Да, - садится на пол и смотрит влюбленными глазами на свою машинку, в которую ему подло запретили играть.

Выхожу из спальни сына, осматриваюсь. Свет горит только на кухне, значит, Маша еще там.

- Пришел есть торт? – усмехается едко.

На столе уже появилась пачка сигарет с синей зажигалкой,

и от Маши едко пахнет табаком.

- Пришел поговорить.

Сажусь за стол,двигаю ближе к себе тарелку с куском красного бархата. Беру ложку. Пробую.

Коржи сухие. Слишком кисло. Кондитер явно переборщил с вишней.

- Скажи пожалуйста, почему ты подарила моему сыну от меня вот этот кусок дерьма? – голос вибрирует от гнева.

Я очень стараюсь сдержаться и не придушить наглую девушку прямо сейчас. Хочется сделать это очень люто.

- Боже, Матвей... ты будешь отчитывать меня за торт? Вообще-то я на твои деньги подарила сыну праздник. Знаешь ли, твоя жена дорого берет! – язвит.

И задевает меня! Нажимает на опасную кнопку. Это пуск адреналиновой бомбы в моей крови.

- Маш, ты ведь не глупая женщина... - рычу сквозь зубы, сдавив ложку в руке так, что она гнется под натиском.

Уж лучше ложка, чем Маша.

- Да, - согласно кивает с хитрой улыбочкой, отпивает чай из белой чашечки и ставит ее на стол, а я наблюдаю за каждым ее движением. – Ты кое чего не понимаешь, Матвей.

Замолкает, смотрит мне в глаза.

- Чего же?

- Гриша растет. Видит, что у других детей есть папа и мама, причем папа живет в семье, каждый день проводит дома. И у Гриши появились вопросы, почему его папа живет не с

ним. Я устала объяснять ребенку, что ты его любишь и обязательно приедешь. Скажи пожалуйста, почему тебя не было полгода?

- Оправдываться перед тобой я точно не буду, - встаю из-за стола, небрежно бросив ложку.

- Твоя Ангелина получает все лавры, а я должна довольствоваться крохами? – недоумевающе хмурится.

- Радуйся, милая. Больше ты ни крошки не получишь. У нас был договор, и ты его нарушила.

- Вспомнил о договоре, - расплывается от счастья. – В этом году ты обещал выплачивать ежемесячно по триста тысяч. А присылал сколько?

- Я присылал достаточно.

Она знает, что у меня с Гелей теперь есть еще и Владик, которому нужны деньги. А в этом году Арсения готовили к школе усиленно, потому что если с футболом у сына все нормально, то в чтении и письме есть пробел. Я тратил деньги на свою любимую семью.

- Нет, Матвей. Ты первый нарушил договор. Поэтому пожинай теперь плоды. Надеюсь, Ангелина все такая же строгая и жестокая, - Маша встает и подходит ко мне почти вплотную. – Она скоро бросит тебя! Свою любимую семейку ты потеряешь очень быстро. И тогда ты приползешь ко мне и будешь умолять, чтобы я приняла тебя и подарила то, чего ты вот-вот лишишься.

6. Спонтанное решение

- Самоуверенная дурочка, - шепчу с толикой разочарования. – Ты правда думаешь, что если Геля меня пошлет к чертям, я решу остаться с тобой?

Маша отстраняется. Недоумевающе хлопает своими веерами накладных ресничек. Строит из себя идиотку, хотя по факту таковой не является.

Маша похожа на пронырливую и хитрую лису. Или на паучиху, которая грамотно и безошибочно умеет расставлять сети.

В одну из таких сетей я однажды попался. И прилип. Влип, если точнее. Влип и скрыл от жены. С моей стороны наивно было полагать, что Маша просидит в тени всю жизнь и не покажется моей настоящей семье.

Но у нас был договор.

И мне хотелось верить, что она его не нарушит.

- Ты семейный, Матвей. Буквально зависишь от них. От Гели. От детей. Тебе нужна будет семья. И когда твоя официальная и горячо любимая женушка ударит тебе под зад и выставит из дома, ты придешь ко мне, - сипит вполголоса, стараясь скрыть свои мерзкие словечки от Гриши.

Мне не по себе от одной мысли, что сын все это услышит.

Он не маленький несмышлениш, чтобы не понять всю суть слов своей мамы.

Гриша все почувствует. Он будет ждать меня.

А я...

Я не смогу быть с Машей при любом раскладе.

Однако она попадает в цель. Я семейный человек и верный.

Был верным до своей ошибки. И после нее снова был верным.

Но между «до» и «после» было такое, о чем я предпочел промолчать. Замять ситуацию. Остаться сухим после купания в речке.

- Маша, послушай, - хватаю за локоть и притягиваю к себе так, что ее маленькое ушко оказывается прямо у моих губ. – Я люблю только Ангелину. Только ее одну. А то, что ты сделала тогда и вытворила сейчас, не дает тебе никаких гарантий, глупая.

Ее кожа покрывается гигантскими мурашками. Она выдергивает свой локоть из моего захвата и смотрит мне в глаза оловено.

- Гнида, - медленно цедит сквозь зубы.

Ее нижняя губа дрожит.

- Подумай о нашем ребенке! Каково ему? Жить без отца! А скоро он пойдет в школу, и эта проблема обострится! – ее голос хрипит от лютого гнева.

- Тебя только это заботит? – ухмыляюсь.

Совсем недавно эта вшивая овца говорила про деньги, которых ей мало. Но я переводил достаточно, чтобы она и мой

сын жили хорошо. Лучше, чем сотни тысяч семей в нашей стране.

- Да, Матвей. Прикинь! Гриша любит тебя и каждый день про тебя спрашивает! Думаешь, я желала нашему сыну такую судьбу? – бьет себя в грудь.

Супер-мамаша.

- Выходит, тебе с Гришкой тяжело? – приподнимаю бровь.

Маша думает пару секунд. На ее сосредоточенном лице буквально выписан этот мыслительный процесс.

Маша и подумать не могла, что наш разговор приобретет такой поворот.

- Да. Мне тяжело, - проговаривает как-то неуверенно.

- Хорошо, безработная идиотка. Раз ты решила снова мной манипулировать, то получай ответку, - складываю руки под грудь и с вызовом на нее смотрю. – Я забираю Гришу с собой.

Теряется. Взгляд становится пустым.

- Что?

- Ты все услышала с первого раза. Я забираю сына.

- К-куда? – делает шаг назад и испуганные глазенки на меня таращит.

Страшно сучке лишиться своей наживы. Ведь я содержал ее только из-за Гриши.

- А какая тебе разница? Я просто его забираю. Избавляю тебя от обузы! – уверенным шагом скрываюсь за поворотом, пока горе-мать не успела прийти в себя распахиваю дверь в

спальню сына. – Гриша, хочешь поехать со мной? Можешь взять подаренную машинку.

- С тобой? – немного растерянно переспрашивает, но брови выразительно взлетают вверх и глаза горят от восторга.

- Да. Одевайся. Поехали.

- Он никуда не поедет, - шипит агрессивно голос Маши за моей спиной. – Гриша, скажи, что ты не хочешь ехать с папой!

Мальчик ежится. Испуганно вжимает голову в шею. Сутулится и роняет игрушку из рук.

- Мам... - плачет чуть слышно, смотрит мне за спину с какой-то негласной мольбой.

- Даже не думай! Гриша, скажи папе, что ты не поедешь! – рывкает так, что даже у меня уши закладывает.

А сын и вовсе дрожит.

- Сынок, ты хочешь поехать? – тихо спрашиваю и мягко улыбаюсь.

Так мягко, настолько только могу.

Гриша складывает губы в тонкую полоску. На глазах выступают крокодильи слезы. Медленно и едва заметно кивает, смотря мне в лицо.

- Нет! Я тебе сына не отдам! – вскрикивает остервенело Маша и хватает меня за руку, пытаюсь развернуть к себе и увести подальше от Гриши.

- Собирайся, малыш, - бросаю я, разворачиваюсь и прикрываю дверь.

Мой кровавый взгляд проходится по Маше.

- Я имею полное право на этого ребенка, - хочется заорать, но я крепко сжимаю челюсти. – И я забираю его, хочешь ты того или нет. Жди, Машенька, я подам в суд. Ребенок останется со мной, а ты... ты будешь платить алименты.

- Матвей, пожалуйста! – бросается мне на грудь, хватается пальчиками за края пиджака.

Прижимается щекой к моей груди. Дрожит от слез.

- Прости меня, - шепчет, словно в бреду. – Прости, пожалуйста! Матвей! Только не лишай меня сына! Пожалуйста! Только не лишай меня ребенка! Матвей, пожалуйста!

- Не ожидала такого исхода? – стою, словно каменный, без движения. – Думала, что все в твоих руках? С момента, когда ты влезла в мою жизнь, Маша, прошло почти восемь лет. И все эти восемь лет я жил, как на пороховой бочке. Ждал, когда рванет. Думаешь, я не был готов к такому исходу?

Голос звучит вполне уверенно и действует на Машу так, как я и задумал. Она трясется от осознания, что сглупила.

Но я вру ей.

Я не был готов, что она нарушит договор и проявит себя перед моей семьей.

И спонтанное решение забрать Гришу сейчас будет дорого мне стоить. Очень дорого.

Но я просто обязан наказать эту паршивую овцу.

- Матве-е-е-ей, - тянет сжатым, обессиленным стоном. – Прости-и-и-и!

Беру ее за плечи, крепко сжимаю и отстраняю от своей груди.

- Знаешь, Маш, мне нужно было сделать это раньше. Но я так боялся проебать мою Гелечку. Так боялся...

- Матве-е-е-ей!

- Хватит! – убираю руки, оставляя ее стоять одну с дрожащими губами.

Распахиваю дверь в комнату к Грише. Сын набивает рюкзачок своими вещами.

- Гриша, - окликаю его, и мальчик снова сжимается испуганно. – Это тебе не понадобится, - прохожу к нему и отшвыриваю рюкзачок в сторону.

Сынок уже оделся.

Поэтому я просто подхватываю его на руки и быстро прохожу мимо Машки.

Стоит мне выйти с Гришей на руках в подъезд, как она начинает заливаться сиреной. Визжит какие-то проклятья. Орет матом.

Гриша закрывает ладонями уши и плачет.

А до меня начинает доходить, что малышу, вероятнее всего, не сладко жилось с такой матерью.

7. Довел несчастную жену

- Машинку не взял, - с досадой произносит Гриша, пока я переставляю детское кресло с заднего сидения на пассажирское.

- Ничего, я куплю тебе новую.

- Пап? – вопросительно пикает. – А ты почему раньше меня не забирал?

- Прости, - шепчу и глаза закрываю. – Гриш, ты ведь уже взрослый парень. Мы можем с тобой поговорить, как мужчина с женщиной?

Во мне родилось стойкое желание забрать сына у Маши. Насовсем.

Это будет ей хорошим уроком.

- Да, - Гриша отвечает коротко.

Сажаю его и пристегиваю.

Прежде чем сесть за руль, бросаю взгляд на окно. Маша стоит за шторкой и смотрит на нас.

Странно, что эта истеричка еще во двор не выбежала и не продолжила скандал. Хотя могла. Соседей бы потешила.

Завожу мотор, плавно отъезжаю от подъезда.

- Пап?

- Гриш, я не забирал тебя раньше, потому что у меня есть... семья.

Тяжело говорить об этом с семилетним ребенком. Тем бо-

лее он смотрит на меня с широко распахнутыми глазами, приоткрыв рот.

- У меня есть жена. И трое детей. Дочка Наташа, ей уже пятнадцать лет. И двое сыновей – Арсений и Владик.

- А почему ты меня с ними не познакомил? – непонимающе хмурится Гришка.

- Потому что моя жена не знала, что у меня есть ты.

- Ты рассказал ей и меня поэтому забрал?

У меня сжимается сердце и на лбу выступает испарина.

- Да, Гриш. Только сейчас мы с тобой поедem не к сестренке с братьями, а к бабушке.

- К бабушке Люсе? – морщится взволнованно.

Даже как-то пугается.

- Нет. К бабушке Кате. Сначала нужно познакомиться с ней.

Я понимаю, что моя мать сейчас будет в шоке. Но у меня другого выбора нет.

Я не могу привезти Гришу домой.

Тем более Ната, наверно, уже собрала мне вещи. Дочь самостоятельная, умная. Не сомневаюсь, что она справится с младшими сама и никаких проблем не возникнет до возвращения Гели.

Но оставить детей я не могу. Я вернусь к ним обязательно. Проверю, все ли в порядке. И если Ната все же закатит скандал и захочет меня выставить, я оставлю их на ночь одних.

Но сначала нужно пристроить Гришу.

На город медленно опускаются сумерки. Сжав ладошку сына, я ровной походкой направляюсь в дом моей матери. Звоню в звонок и перевожу взгляд на ребенка.

Он кусает губы. Взырошенный и нервный.

- Все будет хорошо, - заверяю его нежным голосом и улыбаюсь.

Мама открывает дверь. Ее губы расплываются в улыбке, она уже распахивает рот, чтобы поздороваться со мной. Но тут ее взгляд переходит на Гришу. Женщина замирает.

Смотрит на своего внука изучающе. Хмурится.

- Привет, мам, - выдаю вполголоса. – Гриша, познакомься, это твоя бабушка Катя.

Мама возвращает свой взгляд на меня. Таращит глаза.

- Матвей, что происходит? – растерянно лепечет женщина и хватается за сердце.

- Привез своего сына тебе. Познакомься. Это Гриша. Твой внук.

- Мой внук? – глухо уточняет.

Да, я знал, что будет шок.

Но чтобы моя мать полностью выпала из реальности и вот так тормозила... м-да.

- Твой внук. Его зовут Гриша, - улыбаюсь. – Заходи, сын-нок.

В доме пахнет пирогами и чем-то сладким.

- Кушать хочешь? – задаю вопрос сыну, и тот согласно кивает. – Пойдем, руки помоешь. Мам, - перевожу взгляд на

потерянную женщину, замершую у входной двери, как столб.

– Мам, найди для Гриши домашнюю одежду.

- Где я найду? – ее губы еле шевелятся.

Она смотрит на моего сына, как на неопознанный летательный объект.

- Мам! У тебя ведь есть вещи Арсения! – говорю жестче.

- А-а-а. Да. Сейчас, я что-нибудь принесу.

Переодевшись, Гриша устраивается за столом. Осматривается.

Дом моей матери в сравнении с квартиркой, где живет Мария, кажется ему сказочным дворцом. Это видно во взгляде.

Моя мама ставит перед ним кружку теплого молока и пирожки с капустой.

- Приятного аппетита, - шепчет с ласковой улыбкой.

Явно начала оттаивать и выходить из шокового состояния.

А я удивлюсь, насколько Гриша меньше Арсения. Одежда брата на моем сыне сидит не по размеру.

Гриша намного меньше и худее.

- Матвей, можно с тобой поговорить, - мама косится на ребенка, который с аппетитом налегает на пирожки. – Надежде.

- Да.

Включаю телевизор, нахожу канал с мультиками и, улыбнувшись Грише, выхожу вслед за матерью на веранду.

Сумерки сгущаются. Во дворе зажглись фонари, в траве слышен стрекот сверчков.

Прохладно и влажно. На небе луны не видно, небесное полотно затянуто плотными облаками.

- Гриша твой сын, - кивает мама, строго смотря в мои глаза.

- Да.

- Сколько ему лет?

- Семь.

- Матвей, а Геля... ммм... - подбирает слова, на лице написано недовольство. – Геля знает, что у тебя есть взрослый сын?

- Узнала сегодня.

Мама протяжно вздыхает и руки складывает под грудью.

- Да-а-а-а, - тянет сердито и взгляд отводит. – И как она к этому отнеслась?

- Упала в обморок. Сейчас отдыхает в клинике у Данилы.

Женщина вонзается в меня свирепым взглядом.

- Довел несчастную жену! Матвей, что у тебя с головой, скажи пожалуйста!? – вскрикивает.

- Мам, спокойнее.

- А Ната? Арсений и Владик? Они в курсе, что у них есть брат?

- Знает только Ната. Она услышала наш с Гелей разговор в больнице, - расслабленно сажусь в кресло-качалку на веранде.

Прикрываю глаза устало.

Ну и денек.

Все пошло кубарем за считанные минуты, а теперь набирает толщину, как снежный ком.

И катится все это неизвестно куда.

Я вот-вот потеряю Гелю.

- Я в шоке, Матвей! Ты... изменяешь жене! Уму не постижимо! – театрально прикладывает изящную руку ко лбу.

- Я ошибся, мама.

- Ошибся, - фыркает и глаза закатывает. – Вот так у вас, у мужиков, все просто. Ошибся! – разводит руками.

- Да.

- Бедная наша Гелечка, - со стоном выдает. – За что ей такой удар?

- Мам, хватит.

- А Ната? Каково ей сейчас?

- Прекрати, - цежу сквозь зубы.

- А обо мне ты подумал? Как мне жить с осознанием, что я вырастила гулящего пса? – всхлипывает.

Потираю переносицу. Ладони потеют.

Я и сам все прекрасно понимаю.

То, что я сделал, мерзко и низко.

Я скрывал свою ошибку семь лет.

И еще столько же бы скрывал, не будь Маша такой душой.

Мне так жилось проще.

Так моя вина ощущалась почти безболезненно.

А сейчас все краски сгустились.

- Я разочарована в тебе, Матвей! – мама вытирает слезы.

- Я знаю, - понутив голову, вздыхаю я. – Все во мне разочарованы. Геля, Ната. Ты. Только все не так просто, мама.

- Ах, все не просто! – всхлипывает. – Вот чего тебе не хватало? М? Геля у тебя идеальная! Лучшая женщина, которую я только могла представить рядом с тобой! А ты с ней вот так подло обошелся!

- Я решу этот вопрос, мам, - обещаю, хотя сам себе не верю.

Была бы моей женой другая, более мягкая и послушная, решил бы. А с Ангелиной... я не уверен, что она даже слушать меня станет.

- Решай! – с дерзким вызовом бросает мама. – Я знаю, что Геля любит тебя до потери пульса. А если любит, то шанс есть.

Ее слова придают мне сил.

- Присмотри за Гришей. И не обижай его, мам. Он ни в чем не виноват.

- Чтоб я ребенка обидела? Это когда такое было? – возмущенно.

А я улыбаюсь едва различимо.

- Спасибо, мам, - встаю с кресла, обнимаю родительницу и целую в щеку.

- Езжай к своим детям. И постарайся найти контакт с Натой. Она девочка. И она либо поможет тебе и не даст семье распасться, либо поможет маме все разрушить.

Киваю.

Возвращаюсь в машину. Пока еду, продумываю разговор с дочерью.

Нужно подобрать такие слова, чтобы Ната меня простила и встала на мою сторону. И это сложнее, чем кажется.

Сегодня в 18.00 будет еще одна прода

8. Лучик надежды

Я вхожу в свой дом буквально на цыпочках. Здесь темно. Лишь тонкая полоска света блестит слабо через щелку в приоткрытой двери в гостиную.

Тишина какая-то гнетущая.

Даже звука работающего телевизора не слышно.

Осторожно толкаю дверь и, затаив дыхание, захожу.

Ната сидит на кресле, поджав под себя ноги. На ее плечах большой синий плед. Услышав мои шаги, дочь оборачивается.

Быстрым движением вытирает слезы, вскидывает подбородок, устремляет взгляд в окно.

- Ты как? – шепчу я, присаживаясь на диванчик напротив Наты.

- Нормально, - сухо бросает она.

На меня нарочно не смотрит. Напряглась, сжала челюсти.

Такая беззащитная и беспомощная в этом моменте, что у меня сердце замирает.

- Нат, - говорю я и прикрываю веки устало. – Понимаешь какая штука... жизнь она... не такая простая, как тебе сейчас кажется.

- Конечно, - сердито скалится в ответ. – Мне всего пятнадцать. Что я вообще понимаю в жизни?

- Нат, я не возраст имею ввиду.

- А что тогда? М?

Потираю лоб ладонью.

Ощущаю себя откровенно тупым.

Растерянным, скорее. Но суть одна.

Я не знаю, как мне искать подход к дочери. И весь заплет сейчас состоит еще и в том, что я не могу долго прощупывать почву. Нужно точно стучать в ее сердечко. У меня нет права на ошибку.

- Наташ, я очень люблю твою маму.

- И что? От большой любви вторую семью завел? – язвит, всплеснув руками.

- Нат, у меня нет второй семьи.

- Да что ты! – ее брови выразительно взлетают вверх. – Шалава от святого духа залетела, а ты просто рядом стоял, да? И она такая: «О, вот мужик рядом стоит, будет отцом моему непорочно зачатому отпрыску! Заодно и в воспитании поможет. Еще и обеспеченный, денег даст!». Так что ли?

- Моего сына зовут Гриша. Ему сегодня исполнилось семь лет. Он чудесный мальчик, Нат. Такой же чудесный, как Арсений и Влад. Такой же чудесный, как ты. Вы все мои дети, и я вас всех люблю. Тебя, Арсения, Влада. И Гришу. Суть в том, что... та женщина... она...

- Она во всем виновата, да? – подсказывает Ната, поставив подбородок себе на локоть. – А ты святой! Пап, ты мне зачем все это рассказываешь? Чтобы я прониклась чужим ребенком? Или что?

- Понимаешь, дочь, мне неловко обсуждать с тобой такие темы.

- А другую трахать было ловко? – насмешливо шуриться, чем окончательно выбивает меня из колеи.

Ладно бы, если такую фразу мне сказала Геля. Но дочь!

Пятнадцатилетняя дочь!

Наверно, я всегда буду видеть в ней маленькую девочку со светлыми косичками и с плюшевым медведем в руках. Такую хорошенькую, ласковую, миленькую.

Но Ната растет у меня на глазах. И от ее детскости уже не осталось и следа. Особенно после вот этой колючей фразы.

Я вдруг вижу в ней взрослую уверенную девушку со стальным стержнем.

- Меня этот разговор утомляет, - заявляет с ледяными нотками в голосе.

А я понимаю, что не могу ничего предъявить дочери и как-то растопить ее сердечко.

Рассказать ей всю правду – глупо.

Да, может она и проникнется. Посочувствует. А может взбесится. И будет еще хуже.

- Я маме звонила, - отворачивается к окну и оправляет сползший с ее плеч плед.

- Как она?

- Тебе интересно, да? – ядовито улыбается, на меня не смотрит. – В норме. Сотрясения нет. Завтра уже приедет домой.

- Это отличная новость.

- Мы обсудили твой низкий поступок, папа, - дочь метает в меня короткий пронзительный взгляд.

В горле встает ком. В кончиках пальцев вибрирует токовым разрядом. Кажется, что если до чего-то дотронусь, то испепелю этот объект.

- Что мама сказала? – хрипло спрашиваю, напрягаюсь.

- Как ни странно, сказала мне тебя пока не выгонять, - буднично заправляет волосы за ухо.

Это радует. Значит, Геля настроена на разговор.

- А еще сказала, что я должна буду помочь ей спрятать твой труп! – наклоняет голову на бок и хитренько щурится.

- Смешная шутка.

- Кто здесь шутит? – озирается по сторонам, а затем вновь смотрит на меня.

- Нат, я прошу у тебя прощения, - говорю искренне.

Самому невыносимо тошно от того, что я сделал.

Подвел их всех.

Гелю и Нату. И Арсения, который в момент моего «загула» был еще у Гели в животе.

И Владика, который появился через три с небольшим года после этого «загула».

Ощущаю ли я свою вину? Да.

Признаю ли ее? Да.

Стыдно ли мне? Да.

И еще много чего.

- Пап, - устало начинает Ната, положив затылок на спинку кресла. – Прощения тебе нужно просить не у меня. Замолкает. На меня принципиально не смотрит. Я вздыхаю.

- Пацаны спят?

- Спят и уже давно. Я их сегодня пораньше ушатила. Едва различимо улыбаюсь.

- А ты когда спать пойдешь?

- Пока не знаю. Не хочется.

- Ты ужинала?

- Пап, - закатывает глаза.

- Понял, - поднимаю руки в положение «сдаюсь». – Разговор у нас с тобой сегодня не склеится.

- Я уже сказала, что меня это утомляет. Пап, правда, ты еще тут только потому, что мама сгладила углы. Изумленно приподнимаю брови.

- Что значит «сгладила углы»?

На Гелю это не похоже.

- Успокоила меня. Я думала, что мама будет против тебя, но... ее реакция меня удивила.

- Что она сказала?

Ната прикусывает губу, а после цокает языком.

- Какой, а! Пап, ты скоро сам все поймешь. Мама завтра придет и вы все обсудите. Она решила не казнить тебя раньше времени и дать тебе шанс хотя бы все объяснить.

- Это хорошо, - киваю коротко.

В кромешной тьме появился слабый лучик надежды.

Инструкция, как порадовать автора:

Подписывайтесь на мою авторскую страничку:) впереди нас ждёт множество интригующих историй ##

9. Верила и любила

Данила внимательно смотрит в мое лицо.

- Все нормально со мной, - выдаю уверенно.

- Гель, ты же понимаешь, что обморок...

- Данила, - перебиваю врача недовольным тоном. – Я понимаю! Но мне нужно домой. К детям.

Мужчина чешет затылок.

- Упрямая ты баба, Геля. Как вот с тобой спорить?

- Никак, - заявляю кратко и опускаю голову.

Смотрю ему в глаза грозно исподлобья.

- Следующим пациентом, подозреваю, будет Матвей? – скашивает уголок губ в ухмылочку.

- Не будет, - заверяю, вздернув подбородок. – Я подумала об этом. Мне такие проблемы не нужны.

- Какие «такие»?

- Ну... если я убью Матвея или сильно его покалечу, меня ведь посадят. А у меня трое несовершеннолетних детей.

- Блин, Гель, ты прикалываешься? – лицо Данилы приобретает возмущенно напуганный вид.

- Расслабься. Ничего я ему не сделаю. Мы просто поговорим.

Данила выпрямляется по струнке, как оловянный солдатик.

- Ладно, - сипло выдыхает. – Если станет плохо, сразу мне

звони. И... постарайся не покалечить мне друга.

Из клиники я выхожу уставшая и поникшая.

 Я точно не знаю, что ждет меня дальше. И от этого мне не по себе.

Всегда все было под моим контролем.

Я точно знала, что у меня будет на завтрак, обед и ужин. У меня был четкий выстроенный график и ритм жизни. Дети, муж, работа, быт.

А теперь...

Что у меня есть?

Тревога и волнение, вот что. И все благодаря моему дорогому муженьку.

Я не выспалась, потому что в голову всю ночь лезли мысли о Нате. Она знает. И она в ярости! Наш вчерашний телефонный разговор на многое открыл мне глаза.

Ната больше не маленькая девочка, которая с легкостью простила бы своего отца только потому, что он ее отец.

И я так тщательно подбирала слова, чтобы дочь успокоилась, что, кажется, даже немного перестаралась.

Знаю только, что Матвею теперь придется постараться, чтобы дочь захотела общаться с ним после развода. А мальчишки... Владик толком ничего не поймет, хотя он будет очень переживать, что папа переехал и больше с нами не живет.

А вот реакцию Арсения я даже предсказать не могу. Он очень привязан к отцу.

Зарываюсь в телефоне, чтобы заказать себе такси. Из-за яркого солнца толком ничего не видно на экране.

- Геля! – окликает меня знакомый голос, и я притормаживаю.

Оборачиваюсь медленно и с опаской.

- Я за тобой приехал, - Матвей стоит метрах в семи от меня и виновато улыбается.

Я растерянно прикусываю кончик языка. Меньше всего ожидала его сейчас увидеть.

 Мне нужно было подготовиться к разговору с мужем, ведь я все еще зла на него до коликов под ребрами.

Он подходит ближе и гипнотизирующе смотрит мне в глаза.

Я знаю этот взгляд.

Взгляд змея искусителя.

Именно так он смотрел на меня в нашу первую взрослую ночь. Тогда от этого крышу сносило, но сейчас это неуместно.

- Хорошо, - выдаю я. – Заодно и поговорим без лишних ушей.

Он кивает коротко. Прекрасно понял, что речь идет о наших детях. Ната и так уже слышала лишнее и мне пришлось долго ее успокаивать.

Матвей распахивает мне дверь в машину. Взгляд сразу цепляется за огромный букет моих любимых бежевых роз. И прекрасный запах цветов в нос бьет.

- Зачем? – шепчу я, прикрывая веки.

- Хотел тебя порадовать, - выдает скомканную улыбочку.

- Ты не радуешь, ты все усложняешь, Матвей, - смотрю то на него, то на цветы.

- Я просто... хочу сгладить углы.

- Углы? – усмехаюсь и руки складываю под грудью. – А я вижу ты тоже вчера общался с Натой.

- Да, общался.

- Рад, что Ната не выставила тебя за порог с вещами?

- Рад, - хмурится.

Явно чувствует подвох.

- Ну так счастье твое будет не долгим, - развожу руками.

– Убирай свой веник, я его не возьму!

- Гель... я правда хочу исправить ситуацию.

Качаю головой.

Матвей будто забыл простые вещи. Первое – я не покупаюсь, и перебить измену букетами у него не выйдет. Второе - я не из тех женщин, кому нужен брак ради штампа в паспорте.

Где нет уважения, там и речи быть не может о семье.

А Матвей перестал меня уважать уже давно, когда мокнул в грязь лицом, а потом промолчал и ничего не рассказал.

Изменял мне беременной.

Подумать только!

- Ты нужна мне, - заявляет резко и хватает за локоть, но я резко вырываюсь и пресекаю его наглость грубым взглядом.

- Не хочу, чтобы дети видели цветы, - пожимаю плечами.

- Гель...

- Убирай! Иначе я его вон в ту урну поставлю! - киваю на ближайшую мусорку.

- И не жалко? - брови Матвея съезжаются на переносице.

- Не жалко, - фыркаю в ответ и поднимаю букет с пассажирского сидения.

Он такой большой и тяжелый, что я едва могу удержать его в руках. Если бы муж подарил мне такой букет до того, как я узнала о его блядстве, моя реакция была бы совсем другой.

Я бы с нежностью и заботой обрезала бы каждой розочке кончик стебля, поставила бы их в красивую вазу с подкормкой, чтобы радовали меня как можно дольше. Пересчитала бы, сколько цветов в этом огромном букете.

И, честно, сердечко екает, когда отправляю прекрасные цветы в урну, отчего она приобретает очаровательно комичный вид.

Сделав дело, потираю руки и возвращаюсь к машине. Матвей хмур и совсем не весел. Весь его боевой настрой куда-то испарился.

А я победно вскидываю подборок и усаживаясь в машину. Гордеев захлопывает дверь, быстро обходит тачку и плюхается за руль.

- Ангелина, я ведь все равно от тебя не отстану, - звучит с явной угрозой. - Ты это понимаешь? Я расскажу тебе, как все было на самом деле. И дальше уже решай, казнить меня

или миловать.

- Матвей, езжай, - раздраженно.

Мне не нужны его нелепые оправдания.

- Давай поговорим. Ты же хотела.

- Да, - киваю. - Хотела. Но... о чем нам говорить, м? Мне все понятно без слов!

Его "подношение" в виде огромного букета сбило меня с толку.

- Что же тебе понятно? - хрипло выдает.

На его лице дергаются желваки.

- Понятно, что ты меня предал.

- Геля...

- Не перебивай меня! - повышаю голос. - Сначала выскажусь я!

Он закрывает глаза и медленно выдыхает.

Атмосфера в машине становится накаленной. У меня даже ладони потеют. Но я смотрю в глаза мужа без отрыва. И не смотря на то, что сердце придурочно трепыхается между лопаток, начинаю говорить медленно и вкрадчиво.

- Ты сам сказал, что Гриша твой сын. Не отнекивался и не отрицал. А Мария - его мать. Это значит, что ты спал с ней, когда я носила под сердцем Арсения. Я верила тебе и любила тебя, Матвей! Мне даже в голову не пришло, что ты способен на такое!

- Любила? А сейчас что, не любишь?

- Знаешь, - выдавливаю разочарованную улыбку. - Как то

не хочется любить такое животное, как ты.

Отворачивается дерганно и мотор заводит. Он мощно гудит. Матвей отъезжает, вылетает на трассу и стремительно набирает скорость.

Я смотрю, как стрелка на спидометре быстро движется.

Сто двадцать километров в час.

Сто сорок.

Сто шестьдесят.

Вжимаюсь в кресло и дрожащими пальцами нащупываю ремень безопасности.

- Если ты решил разбиться, то меня лучше высади! - бросаю в страхе, попутно пристегиваясь.

- Таких планов у меня нет, - ухмыляется, сильнее сжимает руль.

А я закрываю глаза. Ком в горле дышать мешает, а по шее от линии роста волос ползет холодная капелька пота.

Сумасшедший.

- Гордеев! - не выдерживаю и ору. - Сбавь скорость!

- Сбавлю. Но ты выслушаешь меня, Ангелина! Ты должна знать все до мелочей! Готова? - бросает на меня такой взгляд, что душу с корнями из тела выдергивает. - Это будет очень не легкая история моего позора.

10. Исповедь Матвея

Этот рассказ требует особой обстановки. Я точно знаю, что просто так не могу взять и вывалить правду на Гелю.

Потому что это реально такая история, в которую и поверить трудно, и я в ней выгляжу жалко и низко.

Съезжаю с трассы в спальный район, быстро нахожу место во дворе под размашистым кленом.

- Зачем мы сюда приехали? - Геля недовольно осматривается.

Кашляю, прочищаю горло. В груди печет невыносимо, кровь закипает.

- Я не смогу вести машину и рассказывать, - смотрю ей в глаза. - И да, Геля, тебе придется поверить мне на слово. Потому что доказательств никаких нет.

Она невольно хмурится.

- Матвей, ты интригу будешь гнуть?

- Я не гну интригу, Геля. Я... боже... я не знаю, с чего начать.

- Может с того момента, как ты трахал свою Марию, пока я вынашивала твоего ребенка? - язвит и руки под грудью складывает. - Меня вообще то дети дома ждут! Если бы я знала, что ты захочешь где-нибудь уединиться и парить мне мозги всякой чушью, то...

- Это не чушь! - пресекаю ее пламенную речь.

Мой взгляд становится суровым и слишком ледяным.

И Геля пугается. Втягивает свою длинную лебединую шею в плечи.

- Матвей, не смотри так на меня, - в ее голосе шелестит тревога.

Закрываю глаза и сжимаю руки в кулаки. Правым стучу по рулю. Не сильно, но это помогает мне собраться.

- Восемь лет назад у меня начались проблемы на работе. Я влез в долги, но... Тебе я сказать ничего не мог. Долг был большой, мой бизнес рушился, но я надеялся, что обойдется. И когда понял, что дела мои совсем херово, собирался поделиться проблемой с тобой, но ты опередила меня радостной новостью. Помнишь ту нашу встречу в кафе, когда ты показала мне тест на беременность? - ладони предательски потеют, когда перевожу прямой и напряженный взгляд на свою жену.

- Это уже звучит неправдоподобно, - выдает серьезно.

- Дальше будет еще хуже.

У меня мучительно пульсирует в висках тупой болью.

Я не хочу вспоминать все это, но нужно.

Я должен наконец открыть жене всю правду. Должен сделать то, на что почти восемь лет назад мне просто духу не хватило. Исповедаться самому близкому моему человечку.

- Я зассал, Гель. Побоялся, что огорчу тебя своими новостями о проблемах на работе. А ты в положении и такая беззащитная. Я четко понимал, что ты уйдешь в декрет на три

года, финансовое обеспечение нашей семьи будет только на мне. И тогда я подумал, что если вывалю на тебя свои проблемы, ты просто решишь избавиться от ребенка. И я промолчал.

- Как проблемы на работе связаны с твоей любовницей?
- возмущенно.

Геля нетерпелива, и мое введение в историю кажется ей лишним.

А я знаю, что сейчас она все поймет. Пазлы сложатся.
На что я надеюсь? Не знаю.

Пока что как минимум на ее веру.

- Мне пришлось искать грамотного финансиста, который смог бы распорядиться нашими активами правильно. Работающий у меня на тот момент Макс совсем растерялся. Я паниковал. И тогда на собеседование пришла Маша.

Геля замирает, даже дышать перестает.

- Она действительно очень умная женщина, быстро подсустилась и предложила несколько стратегий, которые помогли бы моему делу остаться на плаву. Сделка за сделкой, проект за проектом. За два месяца мы вытянули бизнес практически на прежний уровень.

- Я, конечно, заметила, что твоя Маша не дура. Но чтобы финансист, который так тебе помог! Очень неправдоподобно.

- Ее отец имел собственный бизнес и многому ее научил. Она поступила в универ, закончила с красным дипломом.

- И умница, и красавица! - Геля усмехается как-то зло и руками разводит.

- Зря ты так, Гель. У Маши тоже жизнь не сахарная. Ее отец умер, даже не успел увидеть, что дочь выпускница престижного вуза. Его бизнес достался старшему брату от другой женщины. Мать от Маши отказалась задолго до смерти отца. Она одна осталась.

- А я так посмотрю ты дофига про нее всего знаешь, - щурится.

- Не злись, пожалуйста, - выдаю сжатым голосом и смотрю в лобовое стекло.

Мимо нашей машины проходит красивая молодая парочка. Девушка держит парня под руку, улыбается искренне.

Когда то и мы с Гелей такими были. Молодыми и беззаботными.

А теперь сидим и обсуждаем Машу, которая до основания разрушила нашу любовь.

- На носу была важная сделка, - продолжаю я, понутив голову. - И тогда я впервые поехал в командировку не один, а вместе с Машей.

- И тогда ты решил пуститься во все тяжкие! - буркает Геля сердито.

- Не совсем так, - сглатываю. - Мы провернули одно очень мощное дело, и Маша... Она предложила отпраздновать это все.

- Празднование закончилось беременностью? Так просто?

- Геля сердится.

А я держусь. Мне мерзко даже вспоминать те полторы недели, а уж говорить об этом с женой...

- Она подмешивала мне психотропные вещества в чай. Потом накачивала алкоголем и херней, чтобы у меня член колом стоял. И... трахалась со мной, пока я был в неадекватном состоянии. Трахалась и снимала все это на камеру.

- Матвей! Ты надо мной издеваешься!? - зловеще вскрикивает моя жена.

- Я так и думал, что ты не согласишься, - поджигаю губы.

В глаза Геле мне смотреть сейчас страшно. И я не смотрю. Как трус поступаю. Да.

Но я просто не могу себя пересилить. И вены на руках надуваются, болят. Чувствую, как на шее пульсируют.

- Бредятина какая-то! - Геля в негодовании дергает за ручку, чтобы выйти из машины, но я заранее заблокировал двери. - Открой!

Сверлит меня своим взглядом.

- Матвей, открой! - требовательно. - Ты что, правда думал, что я поведусь на эту историю? Ты за кого меня принимаешь?

- Теперь ты понимаешь, почему я смолчал? - все же поднимаю взгляд на жену. - Я в этой истории выгляжу настолько жалко, что ты мне не веришь!

Ощущаю, что на ресницах влажно. Мужики не плачут... но блять.

Сука.

Это слишком.

Я буквально оголил свою душу сейчас перед ней. Оголил до самого основания. До скелета. Кожу, блять, с себя скальпелем снял.

- А! Ты белый и пушистый! Тебя изнасиловали! И сразу ты не рассказал, чтобы семью сохранить!?! - эмоционально взмахивает руками и орет. - Матвей, как давно ты придумал эту отмазку? Сегодняшней ночью?

- Это не отмазка, Геля. Я знал, что ты не простишь мне измену, даже если она была совершена вот так. Насильно.

- Насильно! - закатывает глаза и вновь взмахивает руками.

- Да. Маша потом начала меня шантажировать. Я пересылал ей круглую сумму, лишь бы она не показала те видео с порнухой тебе, а потом... Потом я узнал, что Маша родила. И тест ДНК показал, что от меня.

- Матвей, не издевайся сейчас надо мной!

- Геля, ты была беременна, когда Маша меня в бараний рог скрутила! У тебя уже живот на лоб лез! Что я должен был сделать? Пойти к тебе тогда с покаянием? Чтобы что?

- Не знаю, - шипит. - Хотя бы для того, чтобы твоя жена не чувствовала себя идиоткой спустя семь лет!

- Гель, я... сначала я берег тебя и твою беременность. Потом не мог сказать, потому что ты была в декрете. И я не хотел лишиться семьи! Я люблю тебя, Геля!

- Вот как, - расслабленно растекается на сидении. - Лю-

бишь, но врешь!

- Тебе бесполезно доказывать, - качаю головой.

Я надеялся, что она поймет.

Мне очень хотелось, чтобы поняла!

Но Геля непреклонна.

- Открой, - настойчиво просит. - Я не хочу больше с тобой разговаривать, Гордеев!

- Гель, попытайся все это представить и понять. Я прошу, поверь мне!

- Дверь открой, - повторяет вполголоса.

И я нажимаю кнопку.

Геля тянет за ручку, и дверца поддается. Вылетает на улицу пульей, громко бахает дверью.

И буквально бежит прочь.

Блять...

11. Лишишься детей

Рассекаю воздух, быстро несусь вперед.

Слез нет.

Только лютая злость на мужа и холод под кожей. По ней галопом проносятся мурашки, меня знобит.

В голове просто не укладывается...

Матвей держит меня за идиотку!

Правда думает, что я поверю, что какая-то девчонка его опоила и изнасиловала? Его? Сильного, с напористым и ледяным взглядом, крепкими плечами и железобетонной волей?!

Я слишком хорошо знаю своего мужа. И ни одна дрянь бы не посмела так его одурачить. Потому что это могло бы ей выйти боком.

А теперь Гордеев придумал удивительную историю, чтобы обелить себя.

Как только ему это все в голову пришло...

- Геля! - слышен его голос совсем близко.

Оборачиваюсь резко.

Матвей идет за мной. Почти бежит.

- Стой! - приказывает ледяным тоном.

Но я и даже не думаю останавливаться. До остановки тут совсем немного осталось.

Сяду в первую же маршрутку и уеду. А дальше уже разбе-

русь, как мне до дома добраться. Сейчас главное оторваться от мужа, пока я и правда в порыве своей гнетущей злости его не покалечила.

- Ангелина! - слышится совсем близко.

Матвей хватает мою руку, приходится затормозить.

Его цепкие длинные пальцы впиваются в мои плечи. Разворачивает меня к себе и пристально смотрит в глаза. Я сжимаю челюсти до скрежета.

- Оставь меня! Матвей! Я не хочу с тобой разговаривать!

- Геля, - шепчет.

Взгляд потерянный и безумный.

- Гелечка, - моргает и сглатывает. - Я... не вру тебя, родная.

Я не вру! - шепчет надрывно.

- Матвей, кончай с этим! - рявкаю и предпринимаю попытку вырваться.

Бесполезно. Только себе больно делаю, потому что пальцы Матвея грубо впиваются мне прямо в косточки.

- Мне больно! - обессиленно рычу. - Отпусти!

- Вернись в машину, прошу тебя.

- Нет!

- Геля, мы взрослые люди. Нам нужно найти выход из этой ситуации вместе. Мы муж и жена!

- Муж и жена? - ошалело вскрикиваю.

Стягиваю обручальное кольцо со своего пальца.

- Ты больше мне не муж, Матвей! - бросаю ювелирку ему под ноги.

- Что ты делаешь? - цедит сквозь зубы.

- На развод подаю! А если ты будешь докучать мне, то детей не увидишь!

Взгляд Матвея темнеет.

Я использовала запрещенный прием. Дети для Гордеева - святое. Он очень сильно их любит. Очень. Каждого по своему.

Например с Натой ему тяжелее всего, потому что она девочка. Но сколько он говорит ей комплиментов за день... сколько всего ей покупает. А его спонтанные подарки для меня и дочки? Он ведь если что-то мне покупает в подарок, каждый раз и Нате что-нибудь крутое присматривает.

И цветы ей дарит, и по кафе ее водит после школы.

А мальчики! Это отдельный вид отцовской любви.

Сколько раз Матвей после тяжелого рабочего дня выходил с Арсением играть в футбол во двор! Уже было темно на улице, а они играли в свете садового фонаря. Потом муж мой просто падал без сил, но зато как счастлив был ребенок!

И с Владиком мой муж много времени проводит. Смотрит с ним археологические передачи. Матвей даже сложные названия динозавров, о которые язык сломать можно, и то выучил!

- Ты не посмеешь лишить меня детей, - его голос звучит тихо, но так властно и зловеще, что я мурашками покрываюсь. - Только попробуй, Геля, - рычит с явной угрозой. - Я сам лишу тебя детей, поняла?

- Не лишишь! – расширяю глаза то ли от страха, то ли от злости. – Я не бесхребетная и не безработная! Ната точно захочет остаться со мной, и пацанов подтянет!

- Геля, послушай, - тянет к себе и зловеще цедит мне на ухо: - Ты собралась играть с огнем.

- Отпусти меня! – брыкаюсь.

И в этот раз Матвей отпускает.

Расправляю плечи. Места, где секунду назад были его пальцы, болезненно жжет.

- И как я могла жить с тобой столько лет, Матвей, - выдаю с подчеркнутым разочарованием и отворачиваюсь.

Быстрой походкой направляюсь к остановке и, не думая, захожу в стоящий здесь автобус.

Занимаю место у окна.

Замечаю мощный силуэт моего мужа. Смотрит мне прямо в глаза.

У него больше не виноватый вид, а скорее угрожающий.

Боже...

Отворачиваюсь, и автобус трогается.

До дома я добираюсь только через полчаса. С опаской вхожу, прислушиваюсь. Боюсь снова нарваться на этого изменщика, который так ловко решил прикрыться.

Его история повергла меня в шок.

Как можно было надеяться, что я в это поверю?

Бред какой-то.

Я прокручивала в голове его рассказ всю дорогу. И да-

же пыталась допустить мысль, что все это может оказаться правдой.

Но будь все это на самом деле, Гордеев не стал бы от меня скрывать правду столько лет! Тем более, как он говорит, Мария тянула из него деньги угрозами!

- Ната! Ты дома? – прохожусь по первому этажу.

Детей в доме нет, и мне становится тревожно.

- Арсений! Владик!

Тишина.

И нахожу я их на заднем дворе.

- Мама! – радостно вскрикивает младший сын и бежит ко мне с игрушечным динозавром в руках. – Смотри, папа мне новый набор купил! Крутые динозавры! У меня таких еще не было.

Арсений тоже летит ко мне.

- А мне купил новый костюм для футбола и новый мяч! А то старый совсем уже стремный! – делится средний сын.

 Мальчишки не чувствуют моего напряжения. Обнимают меня как ни в чем не бывало. Шумные и юркие.

- Вы обедали? – спрашиваю строго.

Владик меня уже не слушает, побежал обратно к песочнице.

- Ната кормила нас курицей и макаронами, - рассказывает Арсений.

- А где она?

- Курица? – щурится. – В холодильнике.

 - Нет,

твоя сестра.

- Ааа... Ната у себя в комнате. У нее что-то случилось, мам. Она ночью плакала, я слышал.

Сердце болезненно сжимается.

- Папа с вами ночевал?

- Не знаю, - пожимает плечами. – Папа уезжал вчера вечером по делам. Нас Ната укладывала. А когда проснулись, папа был дома с подарками.

- Понятно, - киваю, и Арсений бежит к воротам дальше гонять мяч.

А я возвращаюсь в дом и поднимаюсь на второй этаж. Осторожно стучу в комнату к дочери.

- Кто там!? – рывкает грубо.

Не спит.

- Это я, - открываю дверь и с грустной улыбкой вхожу.

- Мама! – вскрикивает и тут же летит в мои объятия. – Наконец-то. Я чуть с ума не сошла! А где отец? Он вроде за тобой поехал.

А мне в глаза бросается большой плюшевый медведь, распластавшийся в углу комнаты.

- Это он тебе подарил? – киваю на здоровую игрушку.

- Да. И еще косметику, - вздыхает. – Тебе тоже что-то подарил?
- Цветы. Только я их не взяла.

- Мам, - Ната ежится и смотрит на мою правую руку. – А где кольцо?

Вздыхаю. В животе становится как-то неуютно.

- Выкинула.

- Вы будете разводиться, да? – хмурится дочка.

12. Незванная гостья

Прикусываю губу и пристально смотрю в округленные глаза дочери, полные плохо скрываемой надежды и тревоги.

- Нат, ну ты же понимаешь все. Ты же у меня взрослая уже.

Недовольно выдыхает.

- Так разводиться или нет?

- Да.

- Фух... я переживала, что ты решишь простить. Ты вчера так много всего сказала, что я начала думать, что ты... ну...

- Бесхребетная? – улыбаюсь.

- Типа того, - Ната улавливает мое настроение и ее губ тоже касается едва заметная улыбка.

- Все будет хорошо, Нат. Я разберусь с папой обязательно. Тут не все так просто.

- Чего? – вкрадчиво. – Он тебя предал, а ты собралась думать? Оправдания ему искать будешь?

- Нет, - качаю головой. – Просто у каждого своя правда. Я хочу выяснить все до мелочей.

- Ну да, - говорит мне дочь. – Это очень в твоем стиле.

- Ты поела? – меняю тему.

- Ела. И братьев покормила.

- Хорошо, я пойду тоже перекушу, - собираюсь выходить, уже касаюсь пальцами дверной ручки.

- Мам! – тормозит меня Ната. – Ты не ответила на вопрос.

Где папа?

- Мы повздорили, я приехала домой на такси. Где сейчас папа я не знаю.

- Может, нам все-таки стоит собрать его вещи? – заговорчески произносит.

- Да. Только чуть позже.

Стягиваю с себя одежду, накидываю домашний халат оливкового цвета, укрывающий мое тело полностью до голени. Готовлю легкий овощной салат на скорую руку и усаживаюсь в гостиной напротив большого панорамного окна. Поджимаю под себя ноги.

На улице жара невыносимая.

Мои кусты роз повесили головы. Сегодня нужно будет их обязательно полить.

Закрываю глаза.

О чем я вообще думаю? О розах? Серьезно?

У меня на носу развод!

Мне придется расстаться с человеком, которого я долгое время безоговорочно любила. Придется найти в себе силы, чтобы успокоить Арсения и Влада. Радует, что Ната сразу приняла новость о разводе.

Больше всего страшит реакция Арсения.

Мой мальчик уже достаточно взрослый, чтобы прочувствовать развод на себе и запомнить это событие на всю жизнь.

А потом как..?

Что будет после того, как Матвей возьмет чемоданы с аккуратно сложенными вещами и съедет?

Нужно думать, что будет свобода, но почему-то в голову лезет совсем другое слово – боль.

Кусок в горло не лезет, и я оставляю тарелку с салатом на небольшом столике.

Прижимаю ладонь к губам.

Интересно, где сейчас Матвей?

Поехал к ней? К своей Маше, у которой жизнь не сладкая? И к сыну Грише?

Меня не должно теперь это волновать – пусть катится на все четыре стороны. Но это меня волнует. Страшно признаться, но я хочу, чтобы Матвей страдал.

Чтобы ему было плохо!

А если он поехал сейчас к этой Маше и она с огромным удовольствием приняла его в свои объятия, значит, я проиграла. Я была обузой. Ненужной женой. И вот мой муж и его любовница ловко от меня избавились.

Теперь он будет счастливо жить с ней и со своим сыном Гришей, а я и мои дети останемся одни без мужа и отца.

Щемящее чувство несправедливости зарождается где-то чуть выше желудка и обжигаяще шпарит по ребрам.

Я гоню эту мысль, как назойливого комара. Что мне теперь, поверить в ложь Матвея? Оставить его при себе лишь для того, чтобы рядом кто-то был?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.